

«ПОГРАНЕЦ»

ЗЕЛЕННЫЕ ФУРАЖКИ

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

Погранец

Юрий Корчевский

«Погранец». Зеленые фуражки

«Феникс»

2016

Корчевский Ю. Г.

«Погранец». Зеленые фуражки / Ю. Г. Корчевский — «Феникс»,
2016 — (Погранец)

ISBN 978-5-222-39672-8

НОВАЯ книга от автора бестселлеров «Самоход», «Истребитель» и «Качай маятник! Особист из будущего». Окончив погранучилище, наш современник едет к деду, тоже бывшему пограничнику, чтобы похвастаться первыми офицерскими погонами и зеленой фуражкой, — но поезд прибывает в советское прошлое, на западную границу СССР сразу после подписания пакта Молотова—Риббентропа. «Попаданцу» предстоит строить новую заставу на берегу Буга, ловить местных националистов, вредителей и немецких диверсантов, а главное — готовить своих бойцов к надвигающейся войне, которую уже никто не в силах предотвратить. «Погранец» из будущего знает, что его заставе суждено принять бой на рассвете 22 июня 1941 года...

ISBN 978-5-222-39672-8

© Корчевский Ю. Г., 2016

© Феникс, 2016

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Юрий Корчевский
«Погранец». Зеленые фуражки

Не бери с собой на войну белый флаг.

Глава 1

Неожиданность

Деда Василия Федор уважал, да что там – любил. По мере возможности он навещал его, хотя добираться до дачи было неудобно: сначала электричкой, потом автобусом, и в конце – еще полчаса пешком. Зато дача была расположена вдали от городов, воздух чистейший; рядом речка с чистой водой, в которой водились раки. И с грядки все можно есть, не опасаясь отравиться химикатами.

Стар уже дед, восемьдесят шесть ему, но держится молодцом. Конечно, после смерти бабушки сдал немного, но еще сам себя обихаживает.

– Я старый вояка, меня Гитлер не сломал! – торжественно заявлял он и поднимал вверх кулак.

В свое время дед окончил школу пограничной охраны и войск ОГПУ, которая была в Москве. Служил на погранзаставе, охранял западные рубежи Родины, потом воевал. О службе, особенно в военное лихолетье, рассказывал неохотно, видимо, воспоминания были тяжелыми.

После окончания школы Федор поступил в это же учебное заведение, правда, оно неоднократно меняло свое название. То оно было Московским военно-техническим училищем НКВД имени В.Р. Менжинского, то Московское пограничное училище МГБ СССР, то Московское Высшее пограничное командное Краснознаменное училище КГБ СССР имени Моссовета. Теперь же оно именовалось Московским пограничным институтом ФСБ Российской Федерации. Окончил по специализации «оперативно-разыскная деятельность оперативных подразделений погранорганов». Сразу после выпускного заехал к родителям, похвастал дипломом и формой с лейтенантскими погонами. Впереди месяц отдыха – и на службу, первую после выпуска.

К деду поехал – пусть порадует за внука, все же преемственность поколений. Не служи дед в своей молодости погранцом, и еще неизвестно, какую специальность выбрал бы Федор после школы.

Дед Василий на радостях прослезился. Охлопал Федора по плечам, кругом обошел:

– Наша фуражка, с зеленым околышем!.. Как в моей молодости... Да ты проходи в дом, внучек, это событие отметить надо!

– Дед, так тебе же нельзя!

– Фронтовые сто грамм наливочки собственного изготовления не повредят!

По-военному быстро дед собрал на стол. Закуска немудрящая: огурцы, помидоры, редиска, черный хлеб, селедка, и в центре всего этого – графин с наливкой.

Славно посидели! Дед о начале своей службы на заставе вспоминал – служить он в 1938 году начал. Для пограничников – сложное время. После подписания пакта Молотова – Риббентропа о ненападении СССР присоединил к себе западные области Украины и Белоруссии, ввел войска в Прибалтику. В срочном порядке пришлось устраивать новые заставы, границу. А ведь граница – это не только контрольно-следовая полоса, но и телефонные линии, агентура из местных, и много чего специфического.

И армии пришлось туго. Старые укрепрайоны вдоль границы забросили, стали снимать вооружение, вывозить боеприпасы, продовольствие, медикаменты. В дальнейшем, в сорок первом году, такая непродуманность действий сыграла плохую роль.

Спать они улеглись поздно, поскольку проговорили до полуночи. Но говорил в основном дед, Федор слушал. Если до учебы ему было просто интересно, то теперь кое-что из услышанного он мотал на ус, особенно по части агентурной работы – на границе без помощников из местных никак нельзя. Появился незнакомец в селе – а агентура уж сообщила.

В большинстве случаев при проверке оказывалось – командированный или гость, к родне приехал. Но попадались лица нежелательные, стремившиеся перейти границу. Таких задерживали и передавали в территориальные органы НКВД.

Утром Федор проснулся в шесть тридцать утра, как привык в училище. Дед уже копшился на огороде.

– Вот, крыжовника набрал лукошко. Ты попробуй... Вкусный, спелый, в городе такого не купишь.

Крыжовник и в самом деле оказался вкусным.

– Дед, ты скажи, чем тебе помочь? Может, грядки вскопать или забор поправить? Мне теперь отпуск только через год дадут...

– Какие грядки? Не осень ведь, на всех грядках растет что-нибудь. А впрочем... Полежай на чердак, там хлама за многие годы накопилось много. Разберем с тобой, что-то в мусор отправим.

Федор натянул старый спортивный костюм и по шаткой лестнице полез на чердак. Действительно, половина чердака была забита старьем. Старая швейная машинка, ящики со старыми, еще послевоенными книгами – Горький, Казакевич, Шолохов. Здесь же Федор нашел связку старых писем, фотоальбомы – все было покрыто пылью в палец толщиной.

Все, что он нашел, Федор спустил вниз: пусть дед решает, что нужно оставить, а что – отправить в мусорный бак.

В самом дальнем углу чердака обнаружился коричневый фибровый чемодан без ручки, перетянутый ремнем. И его Федор спустил вниз. Обвел глазами чердак: вот теперь порядок!

У лестницы сидел дед, перебирая находки.

– А это что за чемодан? – Федор расстегнул ремни и откинул крышку.

– Что-то я не припомню... – растерянно протянул дед.

В чемоданчике оказалась старая форма. Выцветшая уже, без погон, с петлицами, на которых было два кубика.

Когда Федор расправил гимнастерку, дед поднялся со ступеньки:

– Так это же моя! Точно! В сорок втором на побывку приходил... Вишь, потрепана форма, так я на базаре за бутылку водки почти новую выменял, а эту оставил. Это ж сколько годков минуло?

Глаза у деда молодо заблестели.

– Я тогда салажонком был – ну, как ты сейчас. Ну-ка, ну-ка, надень, посмотрим...

А чего же не надеть? Правда, форма была пыльной слегка, и Федор гимнастерку вытряс и брюки-галифе. Подняв облако пыли, прочихался.

И фуражка приплюснута. Зеленый верх выцвел, в пятнах весь.

Федор прошел в дом, переделся. Форма пришлась впору.

Он подошел к зеркалу, посмотрелся в него. Смешно: в форме, ремнем перетянут, в фуражке – и босиком.

Федор не поленился, натянул носки и обулся в свои сапоги. Вот теперь другое дело! Из зеркала на него смотрел его вылитый дед – такой, каким он был на старом черно-белом, уже слегка помутневшем снимке.

Федор вышел из дома и направился к деду – покрасоваться перед ним, но того не было. И вокруг дома что-то неуловимым образом изменилось. Почудилось Федору, что деревья вроде бы ниже стали, и растут почему-то не на своих местах. Впрочем, он к ним по приезде особенно и не приглядывался.

Из-за забора его окликнул сосед:

– Василий, ты чего это вырядился? Или на службу собрался?

Федор понимал, что сосед ошибается, что он не Василий, а Федор, внук Василия. Подслеповат сосед, обознался. Ну что ж, бывает. Но уж коли маскарад получился классный, то почему бы не полицействовать?

Федор подошел к низкому забору из штакетника:

– Здравствуй, сосед!

– Доброго утрачка, Вася!

Вот блин! Может, сосед и подслеповат, но не настолько же! Деду восемьдесят шесть, а ему двадцать два – разница существенная. Но сосед как ни в чем не бывало продолжил:

– На новое место службы едешь?

– Еду, назначение получил.

– Правильно сделал товарищ Сталин, что границы на запад отодвинул, все безопаснее. Теперь украинцы и белорусы по-новому заживут при народной власти. Нечего на Польшу спину гнуть.

Федор растерялся. То, что у соседа плохо со зрением, он уже понял. Но похоже – и с головой тоже не очень... Какой Сталин, если он умер еще в пятьдесят третьем? Чудит сосед! Да ладно, можно и подыграть старику, от него не убудет.

– Вот ты человек военный, пограничник, ответь мне – зачем мы войска в Прибалтику ввели?

– Не могу знать! Я человек военный, как вы заметили, и мое дело – приказы исполнять. А политика в верхах делается.

– Так-то оно так...

Сосед наклонился ближе, обдав Федора запахом чеснока и перегара:

– Только я бы немцам не доверял... Пакт Молотова и Риббентропа дело, может, и нужное в данной политической ситуации. Воевал я с немчурой в четырнадцатом и пятнадцатом годах. Силен немец и коварен, своего не упустит. Вспомни историю, все время немцы в нашу сторону с вожделением смотрели, землицы-де плодородной у русских много...

– Полезут – укорот дадим. Чай, сейчас не четырнадцатый год, армия наша сильна...

– Знамо дело, не четырнадцатый, а тридцать девятый!

Да сосед просто сумасшедший! Какой тридцать девятый? Дед-то радио слушает?

И Федор решил, что пора заканчивать беседу с придурковатым соседом:

– Извините, у меня дела.

– Понимаю, дело военное...

Федор вернулся в дом.

Обстановка в доме у деда Василия была старой, еще послевоенной. «На мой век хватит», – говаривал старик. Но телевизор относительно новый был – как и радиоприемник.

Однако сейчас ни того, ни другого не было, а в углу висел черный рупор проводного вещания. Что-то раньше его Федор не видел...

Он подошел, повернул ручку громкости. Тарелка зашипела, потом послышался «Интернационал». И слова диктора, которые повергли Федора в шок: «Передаем последние новости. Сегодня, третьего сентября тысяча девятьсот тридцать девятого года шахтеры-стахановцы установили новый рекорд по добыче угля...»

Диктор продолжал передавать другие новости, но Федор их уже не слышал. Выходит, не врал сосед, не бредил старыми воспоминаниями. Произошло нечто странное, необычное: надел он, Федор, форму деда и попал в предвоенный тридцать девятый год.

Федор хлопнул себя по лбу – как же он сразу не догадался? Форму надел – попал в тридцать девятый год, а снимет – вернется в свое время!

Он расстегнул ремень, мигом сбросил гимнастерку, стянул сапоги, снял брюки... и ничего не изменилось. Рупор в углу вещает, телевизор не появился.

Как был, в трусах, Федор выскочил во двор. Соседа там уже не было.

Федор заметался по огороду, подбежал к калитке.

В конце улицы показался грузовик.

Федор дождался, пока он подъедет ближе.

Это оказалась полуторка – грузовик «ГАЗ-АА», на полторы тонны груза, далекая предшественница «Газели». И номера на ее заднем борту были четырехзначные, без букв – такие были до войны.

Федора пробил холодный пот – он же не явится к новому месту службы! Позорище! Вот это он попал! И как выбраться из этой передрыги, он даже не представляет.

Вернувшись в дом, он со зла пнул ногой сапог, отлетевший в угол. Ситуация, невозможная в принципе! Ну почему это произошло именно с ним?

Федор открыл шкафчик и обнаружил там бутылку водки. Наклейка на бутылке убогая, вместо серьезной пробки или «бескозырки» – сургуч. Тоже мне, защита от подделки! А впрочем, все заводы Союза были казенными, о подделках никто и слыхом не слыхивал. Не было денег на водку – делали самогон или бражку.

Федор налил в стакан на три «булька», ровно соточку, и выпил. Нормальная водка, не химия – из пшенички. Помотав головой, бухнулся на табурет – надо было обдумать положение, в которое он попал. Однако ничего дельного в голову не приходило. Понятно, что он каким-то образом оказался в 1939 году. Вернуться назад, в свое время, возможности пока нет. Но Федор верил, что эта метаморфоза временная.

Конечно, жизнь продолжается, и поскольку это произошло, столько, сколько будет длиться данная метаморфоза, он побудет в шкуре деда Василия. Дед же выжил, а чем он, Федор, хуже?

Решив так, Федор развил кипучую деятельность. Снова одевшись-обувшись, он стал осматривать дом и быстро обнаружил небольшой чемоданчик. Почти у всех военных такой есть, называется «тревожный».

Федор отщелкнул два маленьких замочка. Ба! В чемоданчике лежали бритва и принадлежности, командирский ремень с портупеей и кобурой.

Он взял в руки ремень – вес был ощутимым. В кобуре – почти новый пистолет «ТТ», год выпуска – тридцать восьмой. Пистолет не потерт, лежал на складе. Федор выщелкнул магазин, и на его ладони медным блеском засветились патроны.

И документы он нашел в тумбочке. Удостоверение командира, на котором было фото деда и стояла его фамилия. А еще – предписание прибыть в Дубицу и воинское требование на поезд Москва – Брест. Кроме того, денежный и вещевой аттестаты и наличные деньги. Купюры были непривычно крупными, с Лениным на лицевой стороне. Федор пересчитал деньги – их оказалось двести десять рублей. Много это или мало? Знать бы еще цены!

Он прошел на кухню и снова уселся на табурет. Думай, не думай – жизнь поставила его в такие условия, что выбора нет. Вот пойдешь ты сейчас в милицию или НКВД, чьим структурным подразделением были погранвойска, и заяви о происшедшем – что будет? И к бабке-гадалке не ходи – запрут в психбольницу. Не бывает такого, что произошло с ним. Скажи кто-нибудь ему об этом – сам бы не поверил. Но это значит, что придется принимать правила игры, жить вместо деда и служить по его документам.

Тридцать девятый год уже больше чем наполовину пройден, впереди страну ждут суровые испытания. И он сейчас единственный, кто достоверно об этом знает. Значит, решено! Для всех он – Василий Петрович Казанцев, и свое имя ему придется на время забыть. А раз так, нечего рассиживаться.

Федор снял старый ремень и опоясался дедовым – с портупеей и кобурой. Оружие должно быть при командире, а не в чемоданчике. Документы в нагрудные карманы гимнастерки определил, деньги – в карман брюк. Выключил радио, взял в руки чемоданчик, запер дверь и ключ на притолоку определил. Дед всегда его сюда клал, пусть и теперь тут лежит.

У первого же прохожего спросил дорогу на вокзал, куда и направился. А дальше – электричкой до Москвы, перебрался на Белорусский вокзал.

Москва его удивила. Улицы были малолюдны, и машин мало, не то что в его время.

После приобретения билета поезда ему пришлось ждать четыре часа. За это время в зал ожидания дважды заходили патрули – милицейский и воинский. Но Федор их не интересовал, и они обходили его стороной. Федор понял, что выглядит он натурально, и успокоился. Все же была раньше неуверенность, тревога даже.

При посадке на поезд возникла толчея. Толстый дядька, втиснувшийся в купе, закинул чемодан на полку и тяжело уселся, обмахиваясь платком.

– Вы до Минска едете, товарищ командир? – поинтересовался он у Федора.

– Дальше, до Бреста.

– Понимаю, военная тайна. Вы уж меня простите за любопытство, самому следовало догадаться – верх-то у фуражки зеленый. А я в командировку... Я в наркомсвязи работаю. Давайте отобедаем! Жена, как всегда, половину чемодана едой набила. А жарко, попортится все. Не пропадать же добру!

Кто бы отказывался?

Попутчик вытащил из авоськи вареную курицу, пирожки, огурцы, варенные вкрутую яйца, и даже спичечный коробок с солью.

– Ах, беда! – вдруг засуетился толстяк.

– Что такое?

– Хлеб забыли положить...

– Но ведь пирожки есть!

– Верно! Они с луком и яйцом. Сейчас у проводника чай возьмем и приступим.

– Сидите, я сам схожу.

Дядька уже в возрасте, а Федор молод. Он и сбегал по-молодецки, принес два стакана чаю в подстаканниках. По дороге отметил про себя: «Где сейчас такие увидишь? Почти музейная редкость, напитки чаще в пластиковых стаканчиках дают».

Мимо окон тем временем уже проплывали окраины Москвы, да рановато они кончились. Федор только удивился, как расстроилась в его время столица.

Поезд был скорый и шел быстро. Но на каждой крупной станции стоял подолгу, поскольку паровоз заправлялся водой. Федору было странно и непривычно слышать его пыхтенье. А еще на станциях дежурный давал сигнал к отправлению маленьким колоколом. И пассажиры, еще бежавшие к колонкам с горячей и холодной водой, торопились назад, к вагонам.

В Минске попутчик сошел, и до Бреста Федор ехал в одиночестве. А в Бресте прямо на перроне случилась проверка документов. Что поделаешь, пограничная зона.

Документы проверяли у всех поголовно – милицейские патрули и пограничники. Среди прибывших едва ли не половину составляли военные всех родов войск. Прибывшие командиры направлялись в Брестскую крепость, на строительство укрепрайонов, которое так и не было завершено к началу войны.

Когда пограничный наряд проверил документы Федора, старший наряда спросил:

– Куда направляетесь, товарищ лейтенант?

– В Дубицу.

– А, в погранкомендатуру... Штаб погранотряда в Бресте. Вы бы лучше сначала в штаб...

– Как его найти?

– От привокзальной площади направо, там увидите.

– Спасибо. – Федор подхватил маленький чемоданчик.

Брест был знаменит своей крепостью, проявившей стойкость и упорство в обороне. Однако сам город был маленьким и захолустным, и жизнь его до прихода наших войск протекала тихо и незаметно.

Федор, предъявив при входе документы часовому, прошел в штаб, к кадровику. Тот внимательно изучил все документы и вписал Федора в списки личного состава.

– Пройдемте к начальнику отряда, надо представиться.

Федор оправил форму, согнав складки гимнастерки сзади, под ремень.

Начальник отряда оказался майором, довольно молодым – лет тридцати – тридцати двух. Когда Федор доложил о своем прибытии для продолжения службы, он обрадовался:

– Садись, Казанцев. Рад пополнению. Не хватает кадров, особенно грамотных. На некоторых заставах обязанности начальников исполняют старшины из числа старослужащих. Честно скажу, ситуация сложная. Граница не обустроена, даже не везде есть контрольно-следовая полоса. Лошадей не хватает, пулеметы только ручные, со связью проблемы... Но это период становления. Другое хуже – население к нам настороженно относится. Сколько лет под поляками жили! Контрабандисты объявились, полагаю – и агенты иностранные есть. Потому ухо остро держи! С населением контакты налаживай, своей агентурой обзаводись. Сам понимаешь, они наши глаза и уши в приграничной полосе. Назначаю тебя начальником восьмой заставы, она под Дубицей. Начальнику погранкомендатуры я позвоню, он тебя на заставу отвезет и личному составу представит. А сейчас зайди к моему заму по разведке, он тебя в курс введет. Потом к заму по снабжению, получи карты и все, что полагается. Время шестнадцать часов, и сегодня в Дубицу ты уже не успеешь. А завтра в восемь утра – к начальнику штаба. Он в Дубицу едет и тебя подбросит. Желаю удачи!

– Спасибо, товарищ майор!

На ночь командир комендантского взвода определил Федора с ночлегом в казарме. Однако ему не спалось. Как-то получится со службой на заставе? Опыта не было, а тут еще и время другое, другие условия – справится ли?

Утром подъем в казарме рано, но Федору не привыкать к жесткому армейскому режиму. Он поднялся бодро, умылся-побрислся, позавтракал в солдатской столовой. Не успел закончить завтрак, как за ним появился посыльный:

– Товарищ лейтенант, Савельев вас ожидает.

– Это кто?

– Начальник штаба, он уже у машины.

Федор посмотрел на часы – было без пяти восемь. Он подхватил чемоданчик и бегом кинулся к штабу.

У крыльца стояла «эмка» – довольно потрепанная, а перед ней, покуривая папиросу, в нетерпении прохаживался капитан.

– Ждать себя заставляете, лейтенант!

– Простите, я вовремя.

Ехали молча. Видимо, капитан был раздражен и поэтому погрузился в свои думы.

По приезде в Дубицу Савельев представил Федора начальнику комендатуры и укатил.

– Звонили мне о тебе, Казанцев. Опыта службы на границе нет?

– Никак нет, я сразу после училища.

– Ситуация непростая, заставы практически нет. Личный состав есть, но – ни здания, ни вышки, ни полосы следовой... Связисты работают, тянут линию связи. Словом, тебе все придется делать самому – и строить, и службу нести. Мало того, лошадей не хватает. По штату на заставе сорок два человека, включая тебя, и охраняемый участок десять километров.

Начальник комендатуры раздвинул шторы, за которыми оказалась карта.

– Участок твоей ответственности – от Збунина до Леплевки. Граница по реке Западный Буг идет, не ошибешься. Связь пока по полевому телефону, и то с комендатурой. Сам понимаешь, на случай прорыва с сопредельной стороны или других происшествий. Связи с соседними заставами у тебя, впрочем – как и у других, нет. Но это вопрос времени. К населению присматривайся: там белорусы и поляки, и настроенные против советской власти есть. Нужно

будет что – обращайся. На заставу тебя отвезет мой зам по оперативной работе, старший лейтенант Загорулько.

Начальник комендатуры постучал в стену. Через минуту в кабинет вошел молодой старший лейтенант.

– Вызывали, товарищ капитан?

– Представляю тебе начальника восьмой заставы лейтенанта Казанцева. Знакомьтесь.

Офицеры пожали друг другу руки.

– Отвези лейтенанта на заставу, представь личному составу, введи в курс дела.

– Слушаюсь.

На заставу ехали на грузовике. Впрочем, трястись по грунтовке им пришлось недолго, с полчаса. Остановились на лесной поляне – среди деревьев стояли две большие армейские палатки.

Федор перепрыгнул через борт, осмотрелся.

– А где застрада?

– Пока в палатках.

Федор мысленно чертыхнулся. Осень на носу, зима не за горами... В палатках и летом не всегда комфортно, а уж зимой!

К старшему лейтенанту подбежал старшина, явно из старослужащих, лет тридцати. Кожа на лице продубленная, как бывает у людей, проводивших большую часть дня на улице.

– Здравия желаю, товарищи командиры. Служба на восьмой заставе идет по расписанию, происшествий и больных нет. Докладывает исполняющий обязанности начальника заставы старшина Безверхов.

– Кончились твои временные полномочия, Петр Васильевич. Представляю тебе начальника заставы, лейтенанта Казанцева Василия Петровича. Строй личный состав, представим командира. Советом и делом помоги, ты-то уже обжился.

– Да какое там «обжился», товарищ командир! Сам без году неделя тут...

По приказу старшины личный состав заставы построился. Большинство пограничников – второго года службы, успели послужить на заставах старой границы.

Загорулько представил бойцам нового командира, сказал краткое слово. Потом старшина провел Федора вдоль строя, представляя бойцов. Конечно, все фамилии Федор сразу не запомнил.

Загорулько сразу укатил, пообещав через пару дней навестись.

– Старшина, в строю всего тридцать человек было. Остальные в нарядах?

– Так точно!

– Какие планы, Петр Васильевич?

– Теперь вы начальник, вам и решать.

– Так не пойдет, вместе надо заставу обустроить. Казармы нет, осень на носу, личный состав в палатках... Вышки – и той нет.

– Целиком согласен!

– Среди бойцов есть люди, владеющие строительными специальностями?

– Не знаю.

– Плохо, старшина. Боец должен быть одет, обут, накормлен и спать под крышей. Пойдем знакомиться с бойцами поближе.

Они прошли в палатку. Федор достал из командирской сумки бумагу и карандаш – во время бесед с бойцами он записывал, кто и кем до армии работал и что умеет делать. К полудню он уже имел об этом представление – на заставе оказался и плотник, и печник.

– Старшина, с завтрашнего дня приступаем к обустройству. Всем свободным от нарядов валить лес, будем ставить вышку и одновременно казарму.

– Инструментов нет, материалов – тех же гвоздей.

- Лошадь есть?
- Две строевых.
- Зови плотника, надо определить, какие инструменты и материалы нужны.

После опроса вырисовывался список необходимого, и довольно внушительный: топоры, пилы, гвозди, стекло – почти на весь лист.

- С утра в комендатуру еду, – предупредил старшину Федор. – Что-нибудь еще надо?
- Гречку и рис для кухни, а также миски и ложки – не хватает.

Федор записал и это. Не дело, когда бойцы из походных котелков едят, необустроенность такая.

С утра Федор уже был в комендатуре, подал заявку на инструменты и материалы.

Зам по снабжению удивился:

- Ты что, Казанцев! Твоя застава не одна!
- Осень на носу, за ней зима... Каждый погожий день использовать надо.
- Ладно, – смягчился зам по снабжению, – что смогу – доставим.

Следующим днем на заставу пришел полный грузовик. Главное – инструменты привезли: топоры, лопаты, кирки, пилы, молотки, несколько мешков цемента – дефицит по тем временам. А еще гвозди, скобы, петли дверные. Этим же днем построили на отшибе туалет и умывальник.

Стройка продвигалась трудно. Приходилось валить лес, распиливать его на бревна. Первым делом необходима была наблюдательная вышка – с нее было видно почти весь участок границы, закрытый за заставой. Без вышки, в отсутствие проводной связи, не говоря уж о рациях, которых вообще не было – даже в комендатуре и отряде, было сложно. В случае перехода границы связь наряда с заставой – только ракетой из ракетницы, свистком или выстрелом. А без вышки что и как увидишь, если вокруг высоченные сосны?

Через месяц пограничники построили бревенчатую казарму. Как выглядит типовая застава, Федор знал, но сейчас все приходилось создавать в урезанном виде.

Получился длинный барак. Казарма, каптерка для старшины, комната для самого Федора, «оружейка» со складом боеприпасов.

Потом взялись за кухню – делать ее в одном корпусе с казармой Федор побоялся. Строения деревянные, вспыхнет из-за случайно выпавшего из печи уголька – быть беде.

Дел было невпроворот. На лошадях, хоть они и строевые, понемногу вспахали контрольно-следовую полосу, обустроили при заставе две огневые точки для пулеметов. Тут уж Федор себя похвалил в душе.

Для строительства дерева вокруг поляны вырубали, заодно и расширив пространство вокруг казармы. Случись нападение – никто из-за деревьев незамеченным не подберется и гранату не кинет.

Уставали пограничники сильно. Никто с них обязанности по несению службы не снимал, короткий отдых после наряда – и на стройку. Никто, однако, не роптал, все понимали – для себя делают, осень и зиму в теплом и сухом помещении будут встречать, а не в продуваемых ветром палатках. Впрочем, после завершения строительства казармы палатки убрали.

Тем временем зарядили морозящие дожди, по ночам стало прохладно, и Федор снова отправился в комендатуру – надо завезти шинели, шапки, валенки. Как без валенок и тулупа караул на вышке отстоять, если там, наверху, ветер все время, и укрыться негде?

Временные сложности терпели, верили – наладится все. Народ не был избалован удобствами, все были работяги и держать инструменты в руках умели. Да и Устав требовал: воин должен стойко переносить все тяготы службы. Вот с грамотой плоховато было: если пограничник имел семь классов образования, так, считай – почти академик.

Периодически начальство наезжало, чаще – из комендатуры, реже – из отряда. Погранотряд – это 4–5 комендатур, рассчитан на охрану 128–130 километров, 20–25 застав и 1400–2000 личного состава.

А начальство при инспекциях находило все новые и новые недостатки. То стрельбы давно не проводились, то бойцы не стрижены, и все проблемы – на начальнике заставы. А еще зам по разведке из погранотряда укорять стал, что Федор до сих пор агентами из числа населения не обзавелся.

Федор не выдержал, вспылал:

– А вы хоть представляете, что нам заставу пришлось с нуля строить и границу обустроить? Потому на строевых лошадях пахали, колючку тянули, столбы ставили пограничные? И от несения службы никто не освобождал, а на заставе всего сорок два человека, считая меня?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.